

Эльвира Барякина

*Ж. Замеча- тельные людей

Мардж

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Дневник
русского
литагента
в Голливуде

18+

Часть 2

Эльвира Валерьевна Барякина Ж. замечательных людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40259797

SelfPub; 2019

Аннотация

Если скрестить Фаину Раневскую, Сократа и мадам Помпадур, получится Мардж Тенш. Она родилась в СССР, но потом перебралась в Америку, открыла в Голливуде литературное агентство и по неосторожности влюбилась в адвоката Пола Вардлоу. Пол умеет тонко шутить и проводить любопытные исторические параллели, но, к сожалению, в его шкафу имеется пара мрачных скелетов, и ужиться с этой зубастой братией не так-то легко. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Мой адвокат	6
2. Недалёкая звезда	9
3. Юридический бизнес	12
4. Спасатель-любитель	15
5. Я тоже из русской мафии	21
6. Ищу миллионершу (желательно симпатичную)	22
7. Знала бы я...	24
8. Как я нанимала домработницу	26
9. Звезда мирового масштаба	30
10. Китайский домработник Жао	35
11. Женщина-легенда	44
12. Мы спорим о Чёрном квадрате	47
13. Я не хочу спать с чужой женой!	50
14. Как попадают в Голливуд	53
15. Мои мужчины объявляют друг другу войну	57
16. Я феминистка	61
17. Моя бывшая любовь	63
18. Мои будущие достижения	65
19. Я отдам тебе свою почку	68
20. Прислуга знаменитостей	71
21. Я стала замечать знаки	73
22. Портрет моего мужчины	77
23. Дневники светских львиц	79

24. Куда рыбы попадают после смерти?	81
25. Зуб с бриллиантом	84
26. Как выглядит рай?	87
27. Пусть он сам захочет развестись	89
28. Хочу ребёнка	91
29. Дочки-матери	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Эльвира Барякина
Ж. замечательных людей
Серия «Агент Мардж»
Книга 2

Что бы ты ни думал о себе: «я могу» или «я не могу», – в любом случае ты окажешься прав.
– Генри Форд

© Эльвира Барякина, 2006–2017

1. Мой адвокат

Мама долго не брала трубку. Наконец отозвалась:

– Ну дайте штаны-то надеть!

Обычно связь между Нижним Новгородом и Голливудом отличная, но на этот раз я едва понимала, что мама говорит. Впрочем, набор вопросов у неё стандартный: «Как здоровье?», «Что ты кушаешь?» и «А мы с отцом поругались, представляешь?»

Я ответила, что положено, и перешла к основной части:

– Мам, а у меня новый парень. Вернее, дяденька.

Мама была в шоке.

– Откуда?

– Он адвокат...

– Твой? Ты ещё что-то натворила? Ох, лучше бы в тебя судья влюбился – оно б надёжнее было.

Мама всегда боится, что я влипну в какую-нибудь историю. Это ещё с детства пошло. Помню, она привела меня, шестилетнюю, в парикмахерскую.

– Какую мы хотим причёску? – спросила тётя с ножницами.

Я достала юбилейный рубль с изображением Ленина.

– Как у него!

Парикмахерше сделалось дурно.

Я была непростым ребёнком. Кто после ссоры с бабушкой

поехал в морг и попросил сторожа позвонить ей и сказать, где я нахожусь?

Кто доводил Татьяну Юрьевну – прекрасную женщину и педагога? Она утверждала, что я пишу как курица лапой.

– Неправда ваша! – спорила я. – Хотите, докажу?

И доставала из портфеля жёлтую курячью ногу.

Маме было сложно поверить в то, что нормальный принц способен влюбиться в перезревшую красотку, к тому же с тремя с половиной разводами за плечами.

– Неужели его не смущает твоё прошлое? – спросила она.

– Подумаешь! У меня было всего четыре ошибки молодости, а у некоторых – по восемь-девять.

– И он ходит к тебе на свидания?

– Почти каждый день.

– Станный какой... У него ж, небось, работа, дела... Ты сама-то его любишь?

– Ага.

– За что?

– За фантазию.

Это правда. Пол думает о людях лучше, чем они того заслуживают. Он работает в фирме, специализирующейся на голливудских звёздах. Звёзды, как известно, состоят из газа, причём не всегда приятного, а Пол этого не замечает: у него все хорошие.

– Он полюбил меня за болтливость, – похвасталась я. –

Говорит, что меня очень интересно слушать.

– Доча! Так он не адвокат! – испугалась мама. – Он следователь! Его специально к тебе подослали, чтобы ты ему про своих сокамерниц рассказывала! А я-то думаю: кто это тебе из тюрьмы разрешил звонить? Что он тебе пообещал? Условно-досрочное?

Я медленно положила трубку. Это была не моя мама.

А моя мама выслушала новость спокойно.

– Запомни одно, – сказала она, – большинству людей нужна не сама любовь, а символы любви: кому норковая шуба, кому секс по субботам. Так вот: не следуйте за большинством, и всё у вас будет нормально.

2. Недалёкая звезда

Меня зовут Мардж Тенш. Мне сорок один год – время собирать камни и складывать их за пазуху.

Я оглядываюсь назад: эмиграция в Америку, своё литературное агентство, мопс Ронский-Понский – нечто среднее между домашним любимцем и домашним паразитом.

Полжизни проведено замужем – что ни супруг, то *личность*: Трус, Балбес, Бывалый и д'Артаньян.

Первый, Димочка Кегельбан, всё страдал от несправедливости: с какой стати он должен кормить и оберегать жену? Он что, рыжий, что ли? Став голубым, Дима навсегда избавился от этой проблемы.

Второй муж, Лука, был военным фотокорреспондентом. Ему жизнь была не мила, если он чего-нибудь не штурмовал, – за это я его разлюбила. Луку грохнули в Багдаде, при исполнении служебных обязанностей. Так из бывшей жены я стала бывшей вдовой.

Третий муж, Макс, оказался нефтяным вице-королём. Сначала нам было весело, а потом мы друг другу надоели.

Четвёртого, Зэка, привёл режиссёр Кевин – моя большая внебрачная любовь. Он утверждал, что Зэк – будущий секс-символ Голливуда, и потому его надо хватать, пока дают. Мы с мальчиком поженились, и в результате ему досталась гринкарта, мне – двадцатилетний супруг, а Кевину досталось по

рогам.

Зэк учил меня жизни, я помогала ему материально – у нас была почти любовь. Но тут появился Пол, и теперь мы каждый день изменяем моему мужу. Впрочем, Зэку наплевать – он давно сбежал от меня. Говорят, у него всё хорошо: он без пяти минут звезда...

– Точно. Самая недалёкая из них, – ёрничает Пол.

Зэк – единственный человек, которого он терпеть не может.

Сначала я жаловалась на судьбу втихомолку, а потом решила, что люди должны знать о моих страданиях. Завела дневник в интернете и всё всем растрепала. Откровенничать я могла сколько угодно: никто из моих героев всё равно по-русски не читает. Разве что мама да сестра. Но Лёля не признает моего творчества по техническим причинам – от него совесть просыпается. А маме можно доверять: она по-английски знает только «fuck you».

Я думала, что пишу либретто мильной оперы, а оказалось – книгу. Отправила её в издательство, редактор посмотрел и прислал имейл: «Берём. Срочно пишете второй том».

Я пишу. Тема у меня благодатная – учебник жизни. А учебники, как известно, – самый ходовой товар. Я даже аннотацию для второго тома придумала.

ДАНО:

Литературный агент Мардж Тенш – 1 шт.

Адвокат Пол Вардлоу – 1 шт.

Историческая встреча – 1 шт.

Доисторические тараканы в башке – 2х

НАЙТИ:

Что из этого получится.

Решение обещает быть любопытным, учитывая, что по математике у меня стоял «трояк», а с логикой я не то что на «вы», а на «ваше величество».

3. Юридический бизнес

В офисе Пола красуется лозунг: «Подчинённые вид должны иметь бравый и придурковатый, дабы умствованием своим не смущать начальство. Пётр I, русский царь».

Это – моя работа: целый месяц вышивала крестиком по канве, потом вставила в рамочку и подарила.

Шкафы чёрные, кресла красные, на столе – пара наручников: чтобы клиенты развлекались, пока Пол решает их вопросы. Приковывать себя к офисной мебели – интереснейшее занятие.

Секретарша у Пола – прекрасная дева с таким бюстом, что печатать она может только вслепую. Блондинка по убеждению, настоящая женщина.

– Мистер Вардлоу, а сходите, пожалуйста, со мной в туалет.

– А сама – никак?

Выясняется, что Эммануэль (так зовут секретаршу) пролила в раковину бутылку жидкого мыла: пена вздыбилась до потолка и начала заваливаться на унитаз.

– Что делать-то? – ужасается Эммануэль.

И так во всём: факсы у неё отправляются не адресату, а за тумбочку, а диски копируются на ксероксе.

Я вспоминаю старую истину о том, что первоклассные руководители подбирают себе первоклассных сотрудников;

а люди второго сорта предпочитают, чтобы их окружали люди третьего сорта.

– Зачем ты её держишь? – спрашиваю я Пола.

А он смеётся:

– Эммануэль – отличный профессионал. Она как никто умеет общаться с прессой.

Журналисты – это бич адвокатских контор, работающих на Голливуд. Репортёрам нужно писать про звёзд, и они целыми днями называют «Картеру и партнёрам», чтобы выяснить, кто с кем, когда и почём. Функция Эммануэль – вежливо тупить в телефон:

– Да, мистер Вардлоу уехал. Я записала ваши координаты. Да, он их получил, но не перезвонил, потому что он мой почерк не разбирает.

При личных встречах она ещё более эффективна. Завидев её, репортёры впадают в столбняк: мужчины – от восхищения, женщины – от классовой ненависти.

«Картер и партнёры» работает по принципу «добрый полицейский – злой полицейский». Пол – добрый. А Картер проходит у журналистов под кличкой «Бешеная Козьявка». Ему, собственно, за злобность и платят – по 400 долларов в час. Доброта Пола стоит дешевле – всего 380 баксов.

Рабочий день. Звонок: клиент зашёл в пляжный магазин и увидел свою статуэтку с башкой на пружинке. Если голову снять, то ею можно точить карандаши. Стружки падают в

полое пространство черепной коробки.

– Кто это сделал?! – вопит клиент.

Продавец отводит глаза в сторону.

– Китайцы.

– Засужу!!!

Картер пишет иск, Пол отпаивает звезду минералкой и рассказывает успокаивающие анекдоты.

И так целый день: то А. с кокаином поймают, то В. налоги не заплатит.

– И охота тебе нервы на них тратить? – спрашиваю я Пола.

Он только улыбается:

– Я всегда мечтал в цирке работать.

– Клоуном?

– Монтёром страхующего оборудования. Приятно, когда от тебя зависит жизнь любимцев публики.

4. Спасатель-любитель

Пол родился в Ираке в семье английского инженера, который помимо основной работы шпионил в пользу королевы Елизаветы. После иракской революции отца перевели в Нигерию, потом – в Гану, так что Пол и его старший брат Эрни всё детство колесили по Западной Африке. Только в 1964 году семейство Вардлоу перебралось в Англию – мальчикам нужно было получать образование.

Полу там не понравилось. В школе на него посмотрели как на дикаря, когда он вытащил из ранца связку амулетов, подаренных чёрной няней.

– Это от удара копьём, это для отпугивания злых духов, а это для того, чтобы быть великим воином, не знающим соперников.

Увидев сушёные кости неизвестного происхождения, учительница чуть в обморок не грохнулась.

– Не трогай эту гадость! – завопила она и выкинула амулеты в мусор. – На них бог весть какая инфекция может водиться!

Пола выставили перед классом.

– Суеверие, мальчик, – это большой грех. Если ты хочешь чем-то отличиться перед своими товарищами, ты должен демонстрировать им отличные знания и примерную дисциплину.

На следующий день школу огласил дикий вопль. Учительница полезла в стол за карандашом и обнаружила там мохнатого паука размером с крысу.

Пол клялся, что он тут ни при чём – это всё разгневанные духи, – но ему мало кто верил.

Первые годы учёбы дались ему особенно тяжело: из-за врождённой дислексии он научился читать только к третьему классу. При этом у Пола была феноменальная память на всё, что не касалось букв.

– Странный мальчик, – говорил директор. – Теоретически он мог бы стать лучшим учеником школы, но он делает по пять ошибок в слове из четырёх букв.

Природа где берёт, там и даёт. Пол настолько хорошо умел рассказывать, что старшеклассники звали его с собой подглядывать за женской раздевалкой. Его ставили к замочной скважине и велели описывать, что он видит. Один раз их застукал учитель физкультуры, но не только не отругал – а даже остался послушать.

Пол решил, что ему суждено стать великим актёром. Кто-то сказал, что он похож на Ричарда Беймера¹, и, вырвавшись из колледжа, Пол отправился покорять Голливуд.

Штаты поразили и подавили его. Бывают страны-заводы, бывают страны-фермы. Америка была огромной лаборато-

¹ Ричард Беймер (р. 1938) – американский актёр, режиссёр, сценарист и композитор. Стал известным после роли в фильме «Вестсайдская история».

рией, в которой постоянно создавалось что-то новое. Пол влюбился с первого взгляда.

Однако Голливуду не требовался ещё один Ричард Беймер, и Пол пошёл озвучивать фильмы: чихать, сморкаться и давить задом скрипучую скамейку. Время от времени ему попадалась халтура – сниматься на обложки любовных романов. Я видела одну: Пол в рубаше с кружевами хватал за плечи томную блондинку.

– Они меня на табуретку поставили, – усмехался он. – Девушка была на голову выше.

Платили центы, жить приходилось в одной комнате с двумя собутыльниками. В конце концов Пол плюнул на всё и записался в армию.

Несколько лет он самоотверженно боролся с коммунизмом и фиделькастризмом. Вернулся, покрытый загаром и славой: в армии он спас друга от военного трибунала. Того обвинили в краже, которой он не совершал.

– Тебе не в солдаты, а в адвокаты надо, – пробурчал на прощание капитан. – Демобилизуешься – поступай в юридическую школу.

Пол всё ещё считал себя «великим воином, не знающим соперников», поэтому сразу замахнулся на Гарвард. Экзаменационные оценки у него были на 10 процентов выше проходного балла. Однако приёмная комиссия всё равно отклонила его заявление. Гарвард специализировался на будущих конгрессменах, и его не интересовали лузеры-актёры.

Это был удар. С утра до вечера Пол подавал клюшки игрокам в гольф. Однажды ему пришлось работать с профессором психологии из Калифорнийского университета.

– Что-то ты, братец, невесел, – заметил тот.

Пол нахмурился.

– А чему радоваться? В актёры не взяли, в Гарвард не приняли. Рожей не подошёл ни туда, ни сюда.

– Не было этого, – подумав, сказал профессор.

– То есть как?

– А вот так: не было, и всё.

– Но я же помню!

– Это тебе только кажется. Прошлое – это то, что мы думаем о себе *сейчас*. Хочешь чего-то добиться – выбирай такую биографию, которая поможет тебе в жизни. А неприятностям скажи: «Не было этого».

Пол решил, что у него папа – личный друг президента. Себя он тоже придумал заново, и на месте угрюмого паренька-иммигранта появился совсем другой человек: свободный, великодушный и уверенный в себе.

Пол начал по-другому одеваться и по-другому разговаривать. Бросив работу в гольф-клубе, устроился помощником адвоката. Теперь ему не платили щедрых чаевых, но зато никто не смотрел на него как на слугу. Начальник говорил про Пола: «Этот мерзавец далеко пойдёт».

На следующий год Пол вновь подал заявление в Гарвардскую юридическую школу. На этот раз его приняли. Нагруз-

ки были жуткие, и Полу пришлось придумать себе нечеловеческую работоспособность.

Когда его пригласили в крупную адвокатскую контору Лос-Анджелеса, он был на седьмом небе от счастья. Но вскоре выяснилось, что там совершенно не перед кем выпендриваться престижным дипломом – у каждого сотрудника был свой, ничуть не хуже. Серьёзных заданий Полу не давали, к денежным клиентам не подпускали.

Всё изменилось, когда ему подпихнули дело садовницы одного из ведущих телепродюсеров страны. Хозяин по пьяни ударил её, да ещё пригрозил свернуть шею, если она пожалуется на него.

Пол и его клиентка явились на суд в ортопедических воротниках.

– Это на всякий случай, – объяснил Пол судье. – А то мало ли: вдруг ответчик впервые в жизни сдержит слово?

Он отсудил 350 тысяч компенсации. Голливудская богема страшно возмутилась действиями Пола и... хлынула к нему в офис. Хорошего адвоката следовало заранее перетянуть на свою сторону.

Вскоре Бешеная Козявка Картер пригласил его в свою фирму партнёром.

– А сейчас кем ты себя считаешь? – спросила я Пола.

Он на мгновение задумался.

– Наверное, спасателем-любителем.

Пару дней назад Пол взялся за дело мексиканского парнишки – его по ошибке приговорили к десяти годам. Денег на адвоката у него не было, от штата дали какого-то халтурщика. Парень решил искать правду сам, но ему неизменно отказывали.

Пол показал мне его жалобу: «Дорогой прокурор! Разуйте глаза: вы безвинно посадили меня в тюрьму. Это несправедливо. Не будьте гадом, примите меры!»

Пол поклялся, что вытащит страдальца на волю.

– Он верит в высшую справедливость. Это так трогательно!

5. Я тоже из русской мафии

Вот уже почти десять лет я занимаюсь лигагентским бизнесом. Сажу дома, получаю предложения от авторов по имейлу, отделяю агнцев от козлиц и продаю их издателям. За это мне положен процент.

Сегодня писатель из Оклахомы прислал роман о русской мафии. Эта тема – неисчерпаемый кладезь вдохновения для провинциальных авторов. Русская мафия крадёт президентских дочек, производит героин тоннами и ест христианских младенцев на завтрак. А создание водородной бомбы – это наша национальная забава.

Надо написать товарищу, что я тоже из русской мафии. Так что пусть ждёт гостей – строгих молодых людей с удостоверениями ФСБ во внутренних карманах. С клеветниками у нас разговор короткий – мы им устраиваем «бэля смьерт»: топим в тазике со снегом.

6. Ищу миллионершу (желательно симпатичную)

Моему племяннику Джошу Подкопски 22 года, и он считает себя гениальным художником. До недавнего времени он рисовал только похотливых стариков и моего мопса Ронско-го-Понского, но после армии понял, что его настоящее призвание – это женщины.

– Ты на акушера решил выучиться? – с надеждой спросила мама.

Однако тратить время на учёбу Джошу не хотелось. Его ждали великие дела.

– Кому везёт на бабки – не везёт на баб, – сказал он и отправился рисовать эротическое полотно «Трое в лодке, не считая собаки».

Девушки почему-то не интересовались его искусством. Даже гёрлфренд Сарочка – и та променяла его на преуспевающего асфальтоукладчика.

– Дура девка, – обиделся Джош. – Я её женственность воспевал! Боготворил чуть ли не каждый день... А с этим асфальтоукладчиком что она делать будет? На катке кататься?

Под кроватью у Джоша накопилось три десятка полотен, но никто не хотел их покупать.

– Настоящего художника начинают ценить только после

смерти, – утешал себя Джош.

Надо было устраиваться на работу. Ближе всего к дому была бензоколонка, и Джош подрядился сидеть за кассой. Душа его просила любви, особенно физической, но на него не обращали внимания даже старушки.

– Хочешь, чтобы в тебя влюблялись, – научись осуществлять женские мечты, – посоветовала я ему.

И тут Джоша осенило. Он накатал объявление «Гламурный фотограф ищет девушек славянской внешности для эротической фотосессии в Голливуде» и разместил его в русском интернете.

Две недели ему на почту приходили шикарные снимки обнажённых красавиц.

– Я для них – мечта! – хвастался Джош.

Он вступил в игривую переписку с несколькими претендентками, но вскоре выяснил, что за ними надо ехать в Воронеж, Читу и посёлок Шаблыкино Орловской области. А на это денег у гламурного фотографа не было.

– Тётъ, найди мне миллионершу! – страдал Джош. – Но только симпатичную.

Я пообещала внимательней приглядываться к людям.

7. Знала бы я...

Коля, папа Джоша, имеет обычай: в ресторане он всегда заказывает самое дорогое блюдо. Сидит над тарелкой и жмурится от счастья.

– Знал бы я, что когда-нибудь буду кушать лобстеров!

С этой фразы начинаются все семейные обеды. Мы её ждём, как в приличных местах ждут «Приятного аппетита!».

Пол смеётся над Колей. Тайком передразнивает его: «Знал бы я, что когда-нибудь буду мыть ноги!» (петь песни, стричь ногти, рыть ямы и т. п.) – с тем же выражением лица и тем же томным голосом.

Полу доводилось сталкиваться с профессиональными неудачами, но он понятия не имеет, что такое нищета. Даже в самые трудные времена у него за спиной были родители, которые всегда могли выручить. Так что это не снобизм. Ему смешно, потому что Коля восторгается вещами, которые кажутся Полу естественными, как небо и солнце.

Бедность – это не отсутствие денег. Это неумение их добывать. Сейчас лиши Пола всего – квартиры, работы, друзей, – и через пару месяцев он опять будет на коне. Его богатство лежит не в банке и не в карманах, а в голове. Он просто знает «как».

А я тоже иногда говорю себе: «Знала бы я...» Я помню ян-

варские морозы и бесконечную очередь за «выброшенной» треской. Пар изо рта, визг: «Она тут не занимала!» Сказал бы мне кто, что через двадцать лет я буду стоять на вершине горы и смотреть на огни Лос-Анджелеса под ногами.

Я показываю Полу на яркую звезду, опускающуюся к горизонту.

– Что это?

Он падает на колени и тянет руки к небу:

– О, Иисус приехал!

Всего лишь самолёт... Январь, пар изо рта... Звёзды – как догорающие огни фейерверка.

Пол хихикает надо мной, но у него тоже романтическое настроение. Он отряхивает траву с брюк, обнимает меня и долго молчит.

– Знаешь, а я в детстве сочинил поэму.

– Про любовь?

– Нет, про войну.

Он с выражением декламирует какую-то милую чушь.

Знал бы он, когда и кому ему придётся читать стихи.

8. Как я нанимала домработницу

Купила себе CD с песнями Вертинского: «Ваши пальцы пахнут ладаном». Долго приноживалась к рукам – результат оказался неутешительным. С тех пор, как уволилась Барбара, мои руки неизменно пахнут сосисками и прочей едой быстрого приготовления.

Барбара казалась мне идеальной домработницей – единственными её недостатками было то, что она разговаривала с автоответчиком и лечилась вазелином. Он у неё применялся во всех случаях жизни – как маска для лица, лекарство от насморка и средство от перхоти у моей собаки.

А как Барбара готовила!

Полицейский Хуан сманил Барбару замуж, и теперь она кормит его гостей. Без неё мой дом тут же осиротел. Даже цветы под окном – и те передохли. Я купила новую рассаду, навтыкала её в клумбу – оказалось неровно. Выкопала ростки, посадила по линейке – так забыла про удобрение. Опять всё выкопала...

Сосед смотрел на мои потуги из окошка.

– Эй, Мардж, ты теперь каждый раз цветы на ночь выкапывать будешь?

Я решила, что мне нужна новая домработница. Кадровое агентство прислало на выбор трёх сеньор.

Первая начала уборку с комода и переложила всё бельё так, как нравилось ей, а не мне.

Вторая принялась мыть окна, свалилась со стремянки и вывихнула руку.

Третья зашла в дом, посмотрела на развешанных по стенам импрессионистов и сказала, что она порядочная женщина и не станет работать в борделе.

Четвёртую, Люси, я нашла сама – в универмаге WalMart, в отделе садоводства.

Она стояла за кассой: волосы цвета тыквы, камуфляжные штаны, на шее – верёвочка с клыками.

– Спасибо за покупку, хорошего вам вечера.

Она перевалила мне в тележку пакеты с чернозёмом.

Из-за кадок с пальмами выдвинулся лысый хрен – строгий, в рубашке и при галстукке. Менеджер.

– Люси, немедленно подойди сюда!

Повесив табличку «Закрито», девчонка поплелась на расправу.

Я выкатила тележку из магазина. Сквозь витрину мне было видно, как менеджер грозно потрясал кулаками. Люси нервно дёргала верёвочку на шее. Она что-то сказала; менеджер открыл рот, закрыл и стал показывать пальцем на выход.

– Что, выгнали? – спросила я, когда Люси вышла на пар-

ковку.

Она на меня не смотрела. Двинула ногой по пивной банке, валявшейся на дороге. Банка улетела за забор.

– Фак! Фак! Фак!!!

– Что случилось?

– Этот урод посчитал, что я медленно вас обслуживаю. Очереди-то никакой не было! Нас никто не ждал!

Она села на асфальт и закрыла лицо руками. Я попробовала её утешить:

– Да ладно... Не переживай. Сколько он тебе давал? Семь долларов в час?

– Мне за квартиру надо платить! А он сказал, что премии не будет!

Я покосилась на только что купленный чернозём.

– Цветы сажать умеешь?

– Да. А что?

– Приходи завтра с утра. Если сделаешь мне красивую клумбу, что-нибудь зарабатываешь.

Люси пришла, но клумбой не ограничилась. С заднего двора исчезли кусты прошлогодних помидор, терраса превратилась в зону культурного отдыха.

– А готовить умеешь? – с надеждой спросила я. – А отличать линяющие полотенца от нелиняющих?

Люси оказалась студенткой колледжа, приехавшей из маленького городка Бэйкер на границе Калифорнии с Невадой.

Была я в этом Бэйкере: жарница, пылица, единственная достопримечательность – самый большой в мире термометр.

Жизнь проносилась мимо: по фривэю, через горы – в сияющий Вегас и весёлый Лос-Анджелес. А Люси разносила тарелки в придорожном бистро.

– Я должна была оттуда вырваться, – сказала она. – Мне учиться надо.

– На кого?

– На инженера-электрика. Потом пойду в «Боинг» работать. Хочу настоящие самолёты делать.

Полдня сидит за партой, полдня крутится по дому, ночами зубрит учебники. Хорошая девочка. Единственная проблема – я записала на пыльном столе важный телефон, а она его стёрла.

9. Звезда мирового масштаба

Очень легко простить тех, кто нас любит или ненавидит. А вот как простить того, кому мы не нужны?

Мой роман с Кевином длился несколько лет, но слиться в экстазе у нас так и не получилось: его совесть всегда путалась под ногами. Впрочем, это не мешало нам гулять, фило-софствовать и напиваться в барах.

Наши отношения были так невинны, что я могла рассказывать о них маме – и это было обиднее всего. Кевин недаром считается одним из лучших режиссёров Голливуда. Он обставлял всё так, что мне было не к чему придраться: он старательно обо мне заботился, хвалил и даже подыскал мне красивого мужа.

Говорят, собаки часто приходят на место, где с ними случилась беда: постоят, посмотрят, понюхают... Я зачем-то до сих пор встречаюсь с Кевином. Каждый раз пытаюсь найти объяснение этому факту – и не нахожу. Да, мне с ним интересно, да, мне льстит его дружба... Наверное, всё дело в том, что мне просто хочется позлить его жену Сюзан. Если мы разойдёмся, она будет торжествовать.

Не заслужила.

Кевин – загадка, которая мне не по зубам. У меня такое ощущение, что у него раздвоение личности, причём не в ви-

де шизофрении, а в виде реинкарнации наоборот. Он меняет не тела, а души. Иногда в нём гостит утончённый эстет, иногда – великий инквизитор, иногда – хам трамвайный, клинический.

К режиссуре у него талант. Правда, я до сих пор не разобралась – от Бога или от «жёлтого дьявола».

Когда-то он рассказал мне, как снял свой первый фильм – про НЛО. Космический корабль изображала стиральная машина, а пришельцев – два десятка разбитых яиц.

– Мы с сестрой вылили их на окно, на желтки пуговицы приляпали, чтоб глаза получились... Мама пришла домой, а они по стеклу ползут, два уже в дом забрались. Она их шваброй! Смешное кино получилось.

Пожалуй, это единственный фильм Кевина, который мне хочется посмотреть. Критики Кевина ругают, продюсеры носят на руках: он чувствует, что хочет толпа, и усердно кормит её – её же собственными греховными мыслишками.

Сейчас Кевин – звезда мирового масштаба: по его творчеству научные работы пишут. Он читает Аристотеля и Руссо, увлекается боевыми искусствами и даёт деньги на увековечивание памяти жертв Холокоста.

Я уже пару лет уговариваю его помочь продать мои книги в Голливуд. Не хочет.

– Исторические драмы с претензиями сейчас неликвидны, – каждый раз отмахивается он.

Я деликатно напоминаю о «Храбром сердце» и «Титани-

ке», но Кевина не переубедить.

– Ты бы ещё «Унесённых ветром» вспомнила. Такое кино больше не снимают.

Киношный и книжный бизнесы очень похожи. Никто не знает, что выберет публика в очередной раз. Как генералы всё время готовятся к прошедшей войне, так и продюсеры с издателями ориентируются на прошлогодние бестселлеры. Выбился «Код да Винчи» – все кинулись печатать книги про древние тайны. Прогремел «Властелин колец» – вот вам целая куча фильмов про мечи и драконов.

Все боятся рисковать: только в издательском деле ставка идёт на тысячи, а в кино – на миллионы долларов. Но старого правила – кто не рискует, тот не пьёт шампанского – никто не отменял, и главный приз всегда срывает «тёмная лошадка» – из-за своей непохожести на других.

Я спрашиваю Кевина, как у него дела. Несколько секунд он думает, сказать мне или не сказать. Но желание похвастаться побеждает.

– Я создал великий фильм! Он даже тебе понравится – там есть любовь и история.

– Так народ не поймёт! – удивляюсь я.

– Поймёт. Это же комикс!

Он ещё в позапрошлом году нашёл у мамы на чердаке подшивку комиксов про древних греков. Сердце забилось: вот оно!

Никто из знакомых продюсеров не пожелал браться за проект – слишком дорого, и Кевину самому пришлось бегать по кинокомпаниям. В его папке лежал не сценарий (как обычно), а подробный маркетинговый план: как он прорекламирует фильм, как срубит деньги на продакт-плейсменте, как запустит в производство игрушки, майки и компьютерные «мочилки».

План впечатлил, денег дали.

Подготовка к съёмкам затянулась на целый год. Я несколько раз ходила на съёмочную площадку. Вместо задника – зелёный экран. Декораций минимум – только то, что под ногами: камни, поле с травой. Смешно и странно было видеть накрашенных мужиков, бегущих по помосту, – копья наперевес, рты разинуты. Мимо них по рельсу ехала камера; огромный вентилятор изображал ветер – происходила историческая битва.

Ещё несколько месяцев Кевин проторчал в студии, где из отснятого материала делали *зрелище*. На стенах – раскадровки, на столах – гипсовые модели храмов и гор. Дядьки в гавайских рубашках сидели перед компьютерами и приставляли дорогу к домам, пар ко ртам и луну к небу.

«Шедевр!» – сказали зрители на предварительном просмотре.

«Блокбастер!» – сказала студийное начальство.

Кевин берёт меня за руку.

– Ты придёшь ко мне на премьеру?

Я пококетничала для проформы: сказала, что попробую вырваться...

Почему-то хочется, чтобы фильм оказался говном. То ли мне завидно, то ли старая рана ещё не зажила.

10. Китайский домработник Жао

Лёля, сестра, спрашивает: а что мы с Полом вместе не живём? А то: мы старые перечники, и нам дóроги наши привычки. Пол любит свой пятнадцатый этаж, а я люблю мою «усадьбу» с её скрипучими лесенками, книжными шкапами и деревьями без названий по периметру.

Мы с Полом спорим до хрипоты:

– А на случай пожара у тебя, видимо, есть парашют...

– А тебе пылица в окна летит.

– А в тебя может врезаться самолёт.

– Зато у тебя в жару из помойки воняет. Ты её на задний двор выставляешь – а бесполезно!

К тому же у меня есть Люси, а у Пола – Папа Жао. И если мы будем жить вместе, то кого-то придётся уволить.

Пол и Папа Жао – ровесники, но первый выглядит бойцом-молодцом, а второй – старым китайцем.

Ворчливый, на голове три волоса в два ряда, жёлтые зубы съехали набок. На моё появление он отреагировал сдержанно:

– Ну... давайте возьмём её на испытательный срок. А там посмотрим.

Пол ругается с Папой Жао, дразнит его, иногда даже кричит, но смутить домработника невозможно. Каждый день в

семь утра он по-хозяйски входит в квартиру и включает пылесос. Ему дела нет – спит ли хозяин, один ли он... Однажды он ввалился к нам в спальню – я едва успела нырнуть под одеяло.

– Жао, выйди, пожалуйста, за дверь!

Он поднял мои туфли и принялся пылесосить под кроватью.

– Пора вставать. А то на работу опоздаете.

– Зачем тебе sdалось это недоразумение? – спросила я Пола.

– Папа Жао – историческая реликвия. Артефакт.

Когда в Поднебесной началась Культурная революция, Жао было 9 лет. Великий Кормчий объявил, что в партию затесались враги, которых нужно искоренить. Врагами по определению считались владельцы радиоприёмников, часов и велосипедов (буржуазия), обладатели высшего образования (буржуазные подголоски) и те, кто ездил за границу (шпионы).

Культурная революция началась весело. Загремели большие барабаны, закричали репродукторы на столбах. Жао вместе с приятелями помчался на площадь. Там на трибуне стоял человек во френче и страстно говорил о борьбе. Толпа рукоплескала. У девушек по щекам текли счастливые слёзы.

– Клянёмся! Клянёмся! – выкрикивали они, прижимая руки к сердцам.

Потом на трибуну вывели соседей Жао – дядю Вонга и ещё других. Им надели на головы дурацкие колпаки и повесили на грудь таблички: «Я – змея. Ядовитая гадина и враг революции». Их заставили стоять «самолётником» – согнувшись в три погибели и подняв руки за спиной.

Народ бушевал. Некоторые пытались доплюнуть до штанов дяди Вонга, но попали на штаны оратора. За это дядю Вонга избили.

Вечером Жао спросил у мамы, за что арестовали соседей. Мать отложила в сторону цитатник Великого Кормчего.

– Вонг был шпионом. Он ездил в СССР на фестиваль. Вот тогда-то его и завербовали.

Жао вспомнил, как соседский сын приносил в школу расписную деревянную куклу из России. Игрушка была странная – мало того, что беременная, так в животе у неё сидела беременная дочка, беременная внучка и так до седьмого колена. Учительница сказала, что русские сами беременные от рождения, и поэтому у них нет памяти и они переверали все законы марксизма.

Как можно было продаться таким уродам?

Жизнь становилась всё интереснее и интереснее. Занятия в школе отменили. Жао вместе с друзьями записался в Красную Гвардию. На собраниях они вспоминали, кто мог вредить революции, и шли их наказывать. Худшим врагом, разумеется, был директор школы: он всем ставил плохие оцен-

ки и не разрешал бегать по коридору. Его поймали, отлупили и выкинули в окно.

Потом командир решил проверить, не хранится ли у директора вредная литература. Пришли на квартиру – а там целый завал шпионских книг: на японском, русском и даже американском. Жечь их было очень трудно: все аж запыхались, перетаскивая тяжёлые тома во двор.

Одного из друзей Жао выпорол отец: он говорил, что нельзя мучить ни в чём не повинных людей. На следующий день несознательный папаша сам стоял самолётиком на площади.

– Люби отца, люби мать, но больше всех люби Председателя Мао! – кричали дети и пускались в пляс.

Единственное, что было плохо, – всё время хотелось жрать. Магазины позакрывались, карточки не отоваривались, зарплату родителям не давали... Жао вместе с другими детьми отправился в деревню на рисовые поля: партия приказала – пришлось ответить «Есть!». Когда он вернулся, их квартира была пуста. Все вещи разодраны, что-то украдено... Соседка сказала, что младший брат Жао разбил гипсовый бюст Председателя, чтобы сделать из него мелки – тогда все дети увлекались рисунками на асфальте. Кто-то донёс, и вскоре в дом нагрянула Красная Гвардия.

– Твоя мать очень плакала и не хотела уезжать, но их всё равно увезли, – сказала соседка и пошла ужинать.

Жао отправился по друзьям, но с ним никто не хотел раз-

говаривать.

– Место предателя – в мусорной яме.

Прорыдав всю ночь в пустой квартире, Жао решил вернуться в деревню. Там была добрая тётя Пен, которая давала ему рис.

Разумеется, Пен не обрадовалась, когда на пороге появился грязный сопливый ребёнок. У неё было трое дочерей – их бы накормить. Но Жао был мальчиком, и потому его взяли в семью.

Работали от зари до зари. Денег не получали: оплата – тебя не тронут, если выполнишь норму. Деревенские мальчишки дразнили Жао «городским ревизионистом» и заставляли есть грязь.

Времена менялись. Мао умер, Культурная революция сошла на нет, начальство заговорило о Решительном Рывке.

Жао нравилась одна девушка, но жениться он не мог – денег нет, жилья нет. Девушка вышла за рабочего из города. Про городские фабрики рассказывали чудеса: пашешь всего двенадцать часов, имеешь два выходных в месяц и, главное, получаешь деньги.

– Общежитие дают! – соблазняли бывалые. – После работы можно пойти в клуб – песни попеть. А девочки там какие! Одна другой краше!

Собрав котомку, Жао подался в город. Ходил по улицам и ничего не узнавал. Кругом заводы, автомобили!

На фабрику его не приняли – сказали, что нужны только

женщины моложе 25 лет. И тогда к нему подошла старуха. Угостила лепёшкой, спросила, кто и откуда.

– Богатая у вас деревня? Нет? Если все скинетесь, то, может, и ничего получится. Хочешь в Америку?

После этого разговора голова Жао гудела как монастырский колокол. Америка! Можно открыть свой магазин и продавать там всякие сласти. Можно купить швейную машинку для тёти Пен. Можно попытаться найти родных... Всего-то требовалось – собрать тысячу долларов задатка. А остальные девятнадцать тысяч Жао будет должен «хозяевам», которые привезут его в США.

На деревенской сходке долго судили и рядили. Тысяча долларов – неприподъёмная сумма. Но если всем скинуться, если Жао клянётся памятью предков вернуть деньги с процентами и, если что, помочь землякам перебраться в Америку, то тогда...

Путешествие заняло два года. Сначала пешком через границу – в Россию. Жао помнил, как чуть не поседел от ужаса, когда их поймали люди в форме. Проводник бойко залопотал с ними по-русски, сунул в руку пакет с белым порошком – на том и расстались. Поезда, ночёвки на вокзалах, драки с местными... Наконец добрались до Москвы – холодной, растрёпанной, сердитой. Жао две недели торговал на рынке – ни слова не понимая по-русски. Хозяева показали ему, как выглядят московские деньги и сколько их нужно брать в об-

мен на красивые сумки, сшитые из кусочков кожи.

Потом Жао посадили на самолёт и отвезли в Испанию, абсолютно легально. Сопровождающая девушка, смеясь, рассказывала, что испанские китайцы бессмертны: документы умерших переходят по наследству живым. Полиция никогда не придирается – для неё все китайцы на одно лицо.

Эмигрантов погрузили в трюм панамского судна, пахнувший рыбой и немывтыми людьми. Спали по очереди. Голодали, болели... За кораблём шла стая акул: тех, кто умирал, выкидывали за борт.

К американскому побережью прибыли ночью. Без огней, без шлюпок велели выпрыгивать за борт. Кто-то утонул, кто-то доплыл. На берегу стоял человек, который велел всем загружаться в фургон.

Три месяца Жао прожил в Нью-Йорке, практически не выходя из кухни большого китайского ресторана. Хозяева были лютые: денег не платили, а тех, кто спрашивал, били по морде.

Однажды к Жао подошёл красивый юноша с серьгой в ухе.
– Ну как, долги будем возвращать?

Жао пытался объяснить, что денег ему не дают и уйти из ресторана не разрешают.

Юноша не поверил и обещал кары. Вечером пришли другие молодые люди и сказали, что либо Жао будет делать то, что ему говорят, либо его прирежут – а заодно и тётю Пен, и всех остальных поручителей.

– Пусть они за тебя ответ держат.

Жао поклялся выполнить всё, что от него требуется. Через неделю ему дали сумку и велели садиться на автобус дальнего следования.

– Приедешь в Лос-Анджелес, там тебя встретят.

Но в Калифорнии Жао встретили совсем не те, кто нужно. Горластые полицейские заломили ему руки и привезли в участок.

– Как там было хорошо! – с восторгом вспоминал Жао. – Чисто, люди вежливые. Кормили каждый день!

Из тюрьмы его вытаскивал Пол – это было одно из его первых дел. Он уговорил Жао дать показания против хозяев: оказалось, что тот только прикидывался деревенским дурачком, а на самом деле всё видел, слышал и подмечал.

В Нью-Йорке были произведены массовые аресты среди китайской мафии, а Жао за сотрудничество с властями получил новое имя, политическое убежище и работу у Пола. Домой, в Китай, было отправлено извещение, что он умер.

Несколько лет назад Пол ездил к тётё Пен – привёз ей швейную машинку и денег. Вспоминая приёмного сына, старушка очень плакала.

Жао установил в доме Пола диктатуру пролетариата. Ему нельзя мешать во время уборки, с ним нельзя не советоваться в делах, будь то покупка ковра или ремонт унитаза. В случае нарушений Папа Жао использует «китайскую месть»: как

известно, лучший способ насолить обидчику – повеситься перед его окном. Жао, конечно, не вешается, но ходит с таким видом, будто уже сделал это, причём давно.

Пол только морщится:

– Не могу я его уволить. Мы в ответе за тех, кого приручили.

11. Женщина-легенда

Я встретила Эмили около года назад – в одном из баров на бульваре Сансет. Хорошенькая, ясноглазая, она приехала из Вашингтона «погулять» и, узнав, что я дружу с самим Кевином, попросила пристроить её в Голливуд.

– Я сейчас работаю уборщицей в Капитолии, но это временно, – сказала она. – Мне страсть как надоело всякую хрень за сенаторами подбирать! Вы себе не представляете, что они после себя оставляют: один трусы дамские под кресло засунет, другой блокнот забудет – а там такое записано!

– А ты всё читаешь?

– Ну ведь интересно...

– Эмили, возвращайся в Вашингтон и напиши об этом книгу. Если что – текст мы тебе подредактируем.

Честно говоря, я не верила, что девушка способна на такой труд. Но уже через три месяца Эмили объявилась:

– У меня рукопись готова. Присылать?

Текст был безобразным, но настолько шокирующим, что я тут же позвонила в Нью-Йорк:

– Ребята, у меня на руках скандал. Мне нужен переводчик с детсадовского на английский и много денег. И тогда книга ваша.

Эмили тут же превратилась в женщину-легенду. Оказалось, что прежде, чем попасть в Капитолий, она пожила бо-

гемной жизнью в Сан-Франциско, где прошла через художников, скульпторов и боксёров.

Когда я попросила сосчитать, сколько у неё было любовников, Эмили потерялась на четвёртом десятке.

– Да не помню я остальных! Дело давно было.

Девушке двадцать пять лет. Ей абсолютно всё равно, с кем, где и когда... У меня есть подозрение, что Эмили просто не умеет отказывать, и, когда мужики об этом прознали, она стала пользоваться колоссальным успехом.

Поначалу она немного стеснялась рассказывать о своих любовных похождениях, но PR-менеджер издательства сказал, что разврат – это, наоборот, круто, и теперь Эмили с гордостью носит звание блядуни.

На презентации было шумно, как на перемене. Эмили раздавала автографы и обещала, что её книга перевернёт базовые ценности Америки. И всё же я заметила, что женщина-легенда грустила.

Когда к микрофону вышел певец с политическими куплетами, я под села к ней за столик.

– У тебя что-то случилось?

– Я с бойфрендом поссорилась. Он прочитал книгу и выгнал меня из дома.

– Да наплюй на него! Ты теперь богатая, сними новую квартиру.

– Мне одной спать страшно!

Женщина-легенда заметила за соседним столиком Ника, очень милого составителя пресс-релизов.

– Это кто?

– У него жена беременная.

Взгляд Эмили переместился на рыжебородого телеоператора.

– А это?

– Понятия не имею.

Она подошла к нему и, привстав на цыпочки, довольно громко сказала:

– У тебя есть шанс.

Рыжебородый не на шутку испугался.

– Я работаю много...

Он думал смутить женщину-легенду. Наивный!

– Да я не возражаю против работы! – махнула она рукой. – Давай визитку, я тебе позвоню.

При первом удобном случае оператор удрал в туалет.

– Станный... – вздохнула Эмили. – Мардж, у меня к тебе просьба: если я тебе нравлюсь как человек, расскажи обо мне друзьям. А если не нравлюсь, расскажи врагам. Глядишь, я себе нового бойфренда найду.

Вот, рассказываю.

Вечером:

Надо бы познакомить Эмили с Джошем. Хотя нет: Лёля, сестра, мне этого не простит.

12. Мы спорим о Чёрном квадрате

Девять утра. Я, Пол и Ронский стоим на балконе, глядим на океан и строим воскресные планы.

Я тащу Пола на открытие художественной галереи. Он хочет в гости к Бешеной Козявке – смотреть футбол и резаться в видеоигры. А Ронский хочет, чтобы его вывели на улицу.

– Ненавижу галереи... – горюет Пол. – Раньше хоть голых женщин рисовать умели, а сейчас посмотришь на картину – ужас какой-то: зелёный снеговик с треугольными титьками. И подпись «Девушка с грыжей».

Пол долго рассуждает о смысле искусства. Он не понимает Пикассо, чёрные квадраты и прочий кубизм-минимализм.

– Уж на что Венера у Боттичелли страшная, так её хоть на стенку повесить можно. А куда твоих кубистов девать?

Я показываю на картину за его спиной. В гостиной над диваном висят два зелёных куба на чёрном фоне.

– Хочешь, я сюда что-нибудь венерическое повешу?

Пол фыркает. А я смакую подробности: голые бабы придадут его жилищу непередаваемый колорит.

– Гости, конечно, смущаться будут, но это ничего. Не для них повешено.

– Пойдём футбол смотреть... – просит Пол.

Но я вхожу в раж. На свете не так много вопросов, в которых я разбираюсь лучше, чем Пол.

– Картина – это не техника исполнения, а идея. Техника может быть любой, даже самой блестящей, но если в произведение не заложена мысль, то это не искусство, а ремесленничество.

Пол поднимает бровь.

– «Чёрный квадрат» Малевича – это бездна мысли. Так даже я могу нарисовать.

– Нужно быть первым. Великое произведение – это всегда открытие.

– А до Малевича квадратов не было... Как-то не додумался никто.

– Почему же? Монохромные картины писались задолго до Малевича. В 1882 году Поль Билход нарисовал чёрный прямоугольник и назвал его «Ночная драка негров в подвале». На следующий год Альфонс Алле представил белый прямоугольник – «Малокровные девочки, идущие к первому причастию в снежную бурю». Затем появились «Апоплексические кардиналы, собирающие помидоры на берегу Красного моря».

Пол торжествует:

– Вот видишь! Малевич – плагиатор.

– Да, но Билход и Алле расценивали свои картины как шутку, а Малевич – как манифест нового направления в искусстве. Он вдруг увидел, что простота – это тоже красиво и интересно.

– Да что ж в этом красивого?! За что платить миллион?!

Я показываю взглядом на гостиную. Белые стены, белые полы. Чёрные кресла с зелёными подушками, чёрный прямоугольник телевизора, на чёрных полках – зелёные вазы. Всё просто, изящно и... дорого.

– Твой дизайнер придумал детали. А Малевич – концепцию.

Пол смотрит на квадрат бассейна внизу. Брови хмурятся, руки скрещены на груди.

– Пошли к Картеру смотреть футбол.

– О-о-о... – удовлетворённо стонет Ронский. Его миссия на сегодняшнее утро выполнена.

13. Я не хочу спать с чужой женой!

Пол нацепил очки и попросил моё свидетельство о браке. Потом кинул бумагу на стол.

– Разведись со своим мужем.

– Зачем? Если я разведусь, его выкинут из страны – у него же только временная грин-карта.

– А нам какое дело?

Пол не хочет быть великодушным. Он специально говорит «нам», чтобы разделить: вот «мы», а вот «он». Для него Зэк – оккупант, взявший чужое, и он приписывает ему все мыслимые грехи – чтобы было удобнее презирать.

А для меня Зэк навсегда останется обаятельным мальчишкой с бритой башкой и солнечной улыбкой. По идее, наш брак должен был быть фиктивным, но фикции не получилось. И я, и он были влюблены друг в друга – правда, совсем недолго. Он врал мне, что я сексуальна и чертовски умна. Он смешил меня и завязывал мне шнурки на кроссовках. Ну как я могла устоять? Именно этого Пол не может ему простить.

– Я не хочу спать с чужой женой! – кипятится он. – У меня же репутация: партнёры, коллеги!

Коллегам совершенно на меня наплевать, но дело не в этом. Пол хочет победить врага, но почему-то сражается со мной. Разведись, а то обижусь!

Обижайся.

Мне нельзя приказывать. Хочешь добиться своего – объясни, что тебя тревожит, и мы вместе подумаем, как решить проблему. Но не занимайся вымогательством.

Разругались. Он уехал к себе. На полу осталась обронённая визитка:

Пол Вардлоу

Адвокат

Ваши проблемы – моя работа.

Так и есть.

Вечером:

Только что звонил Пол.

– Поздравляю, ты вышла замуж за мудака!

Голос его срывался от злости.

– Ты где?

– Я ездил переговорить с твоим супругом.

– Ты что, потребовал у него развода?

– Не потребовал – попросил. Как у нормального человека.

Но он НЕнормальный. Я ему сказал, что, если он откажется, мы подадим в суд и признаем ваш брак недействительным.

– А он?

– Заявил, что, если его принудят к разводу, он потребует себе половину имущества.

Вот так. Борьба Пола со злом обернулась борьбой за моё добро.

Когда у меня плохое настроение, меня тянет на поэзию – условный рефлекс такой. Пол когда-то сказал, что по количеству четверостиший в стихах можно рассчитывать глубину моих страданий. Сегодня она оценивается в два балла по шкале Вардлоу.

Судьба подставила мне ножку,
Забыв меня предупредить...
Я не успела на дорожку
Себе соломки подстелить.

Но если быть с собою честной,
То, чтобы больно не упасть,
Такой, как я, мадам прелестной,
В трусы солону надо класть.

14. Как попадают в Голливуд

Я знаю, Зэк нервничает, ему скоро грин-карту переоформлять. И всё равно не постигаю: он что, решил взять меня на испуг?

Когда-то бабушка говорила мне: «Девушка в глазах мужчины должна выглядеть как пугливая лань». По молодости мне это никак не удавалось, а сейчас, видимо, пришло время. Один страшит меня обидой, другой – подставой. Чем бы мне их в ответ припугнуть? Прикинуться мёртвой?

Душа ноет, как прищемлённый палец. Не столько больно, сколько обидно. Полу многое прощается – всё-таки он мой бойфренд. А Зэк-то как посмел позариться на мои деньги? И ведь, как нарочно, за время нашего брака я много заработала. Вот уж не думала, что когда-нибудь пожалею об этом.

Зэк вырос в Новой Зеландии. Как и Пол, он страстно мечтал об актёрской карьере, но в Веллингтоне ловить было нечего.

Если человек по специальности медик, то после окончания вуза он работает врачом, если юрист – адвокатом, а если актёр – стоит на кассе в «Макдоналдсе». Так что при первой возможности Зэк перебрался в Штаты к кухне Агнессы.

Вообще-то она пригласила его для того, чтобы он помог ей с дочкой, трёхгодовалой Пи-Пи. Агнесса работает костю-

мершей: мужа нет, зарплата маленькая, на садик не хватает... Но няня из Зэка получилась фиговая. В первый же день он довёл ребёнка до истерики.

Пи-Пи обнаружила в кустах коробку из-под сока, сказала, что это её телевизор, и стала «смотреть» по нему мультики. Зэк подошёл и «переключил» на футбол: «Чик-чик!» (ему, видите ли, смешно было). Ребёнок вновь «поменял канал»: «Чик-чик!» Зэк не сдавался.

В результате «телевизор» был растоптан; Пи-Пи ревела. Слушая радио, Зэк наткнулся на сюжет о фирме по набору статистов для кино. Позвонил, договорился о собеседовании.

Измученная девушка просмотрела его резюме и сказала, что они не сотрудничают с иностранцами. В этот момент в приёмную вошёл Кевин.

– Мне нужен *знаменосец*, а вы мне пидоров подсовываете! – кричал он на менеджера.

Тот оправдывался:

– Я уже не знаю, кого вам предлагать! Вы двести человек отсмотрели.

Взгляд Кевина остановился на Зэке.

– Ты! Ну-ка, иди сюда! А вы говорите, никого нет!

Девушка-секретарша поднялась из-за стола.

– Но у него нет разрешения на работу!

– Идите вы в пень со своими разрешениями! – отмахнулся Кевин.

На следующий день Зэка позвали на съёмки – нести флаг. Кевин был в восторге.

Вечером они встретились в подземном гараже – оказалось, что Зэк оставил машину на парковке, зарезервированной для начальства.

– Пойдём выпьем, – позвал Кевин и вытащил из кармана охотничью фляжку.

Зэк вёл себя как надо. Не совал ему резюме, ни о чём не просил, а просто слушал и смеялся его шуткам. Кевин начал с ним здороваться.

Однажды он подвёл Зэка к лысому толстяку.

– Это очень хороший агент. Если он возьмёт тебя – считай, что твоя карьера сложилась.

Зэк превратился в благотворительный проект Кевина. Чтобы мальчик мог остаться в Штатах, он нашёл ему жену – меня. Первые деньги, общение с небожителями – Зэк чувствовал себя так, будто судьба целует его взасос.

Вскоре Кевин дал Зэку одну из главных ролей. Был подписан контракт, но в последний момент руководство студии решило пригласить солидную звезду.

– Ваш мальчик, конечно, симпатичный, но он пока никто, – сказал исполнительный директор. – Зрители не пойдут на него.

Контракт был расторгнут, Зэк получил отступное... и впал в затяжную депрессию. Я утешала его, как могла. Но в

этот момент появился Пол, и мне стало некогда.

Зэк едва перенёс двойное предательство – жены и старшего друга (тогда он во всём винил Кевина). Мы разъехались; я узнавала о его новостях от общих знакомых. Зэк опять начал карабкаться в гору: снимался в роли солдат, мелких негодяев и проходных любовников. Его жизнь на экране была коротка: как правило, Зэка убивали через минуту после появления. Но это случалось регулярно – что уже означало успех.

Наверное, его можно понять. Он слишком многое вложил в свою карьеру, и для него немислимо потерять всё из-за такой ерунды, как грин-карта. И всё-таки простить его невозможно.

Когда-то Зэк любил меня – это было видно, – и я по инерции жду от него лояльности. А он ведёт себя так, будто я чужая тётка, которую не грех пошантажировать. В голове болтаются мысли: «Сукин ты сын! Тебя бы вообще здесь не было, если б я не пошла за тебя! Сидел бы в каком-нибудь кукольном театре и гавкал за сценой».

Впрочем, чего я ожидала? Что посеешь, то и пожрёшь.

Ах, как бы сделать так,
Чтоб все меня любили
И ничего в обмен
За это не просили?

15. Мои мужчины объявляют друг другу войну

С Зэком надо было поговорить, и я отправилась к Агнессе. Многоквартирный комплекс. Чахлые пальмы, полные урны. Я не была здесь уже пару месяцев, если не больше.

– Мардж приехала!

Стеклопанельная дверь отъехала в сторону, и мне навстречу вылетела Пи-Пи.

– А у меня Элмо есть! – Красный пучеглазый монстр был наряжен в трусы и пластмассовую корону. – Это мой жених! Хочешь его поцеловать?

– Чужих женихов целовать неприлично.

Из кухни появилась Агнесса. Мы обнялись. Я украдкой оглядывала квартиру: дома ли Зэк?

– Тогда пусть мама Элмо поцелует! – прыгала вокруг Пи-Пи. – Она тёща, ей можно!

Агнесса рассказала мне, что Элмо – проклятие её жизни. Перед Рождеством его по каждому телеканалу показывали. Пи-Пи как заело: «Хочу Элмо! Хочу Элмо!» Отправились в магазин, а его нет. В утешение пришлось купить голову Барби с расчёсками и бигуди в наборе.

– Через месяц смотрю – привезли этого пучеглазика, – вздохнула Агнесса. – Пи-Пи опять за своё: «Хочу!» Теперь

Элмо через день женится то на ней, то на голове Барби.

Я похихикала и посочувствовала. Ну да, классический приём раскручивания на два рождественских подарка вместо одного. Вопящий ребёнок – лучший двигатель торговли.

Зэка дома не было. Я напряжённо размышляла: спросить о нём, или не стоит? Но Агнесса сама начала разговор:

– Тут пару дней назад твой адвокат заходил. Ты хочешь развестись с Зэком?

– Да.

– Ну и правильно. Он по дому вообще ничего не делает.

Любимый анекдот Агнессы: «Как называется бесполезный кусок плоти на конце члена? Ответ: мужик».

Она приехала в Штаты по приглашению феминистского театра. Единственным мужчиной в нём был реквизитор Карл. Бог ведает, как туда занесло рыжего пузатого жизнерадостца. Возможно, охотничий азарт, возможно, сексуальное извращение. Театралки придерживались крайних взглядов: вся власть феминисткам, потому что мы добрее и сердечнее. Кто не верит в нашу доброту – получите в морду.

Вскоре Карл продемонстрировал, что мужики – действительно сволочи. Агнесса залетела, рассказала об этом гримёрше, и оказалось, что та тоже беременна от Карла. Увольняясь из труппы, Карл долго извинялся:

– Девчонки, я бы вам сделал предложение, но меня жена убьёт.

– Жена?! Кто эта сучка?!

– Хм... Э-э... Знаете Эллу-буфетчицу?

Эллу побили, но потом оказалось, что никакая она не жена. Карл к ней приставал, а она его послала.

Пи-Пи родилась недоношенной. Феминистки помогали Агнессе чем могли: скидывались на коляску, дежурили по ночам.

– Хорошо, что у тебя дочка, а не сын, – сказала режиссёрша. – Вот вырастет – мы её в трупку примем.

В перерывах между кормлениями и работой Агнесса писала статьи на тему «Умозрительное изнасилование».

– Что это такое? – поинтересовалась я.

– На тебя когда-нибудь смотрели облизывающим взглядом?

– Ну...

– Вот когда мужики так смотрят, они тебя мысленно трахают. Без твоего согласия!

Умеренный феминизм чужд их театральному коллективу. Их не интересует равноправие, потому что равноправие с похотливыми козлами – это унижительно. Последний их спектакль был посвящён целлофановым пакетам с изображением красоток в бикини. Одна из драматургинь съездила в Грецию, увидела там эти пакеты и разродилась пьесой под названием «Мы не мясо». Спектакль имел большое просветительское значение: из него зритель узнал, что мужики нароч-

но используют подобные картинки для унижения человеческого достоинства.

Агнесса – мой союзник. Они с Зэком с трудом уживаются: он ни в грош не ставит её борьбу и время от времени насмехается над «святым». Но выгнать его Агнесса не может: Зэк довольно часто сидит с Пи-Пи.

– Ты знаешь, он чуть не подрался с твоим адвокатом, – сказала Агнесса.

Я поперхнулась. Пол, наверное, по плечо Зэку будет.

– А что произошло?

Явившись к Зэку, Пол сначала уговаривал его, потом со-
вестил, потом стращал. Зэк слушал, развалясь на диване...

– Дядь, надо быть выше всякого говна.

– Если бы я был выше тебя, я бы тебе морду набил.

После этого Агнессе пришлось одного выставлять на бал-
кон, а второго – за дверь.

– Шли бы драться во двор, чего мне в квартире-то бардак
разводить?

Зэк сейчас на съёмках, вернётся – будем разбираться.

16. Я феминистка

Я сама – феминистка до мозга костей. Но только мой феминизм – это не сражение, а взаимоуважение.

Недавно в интернете одна дама заявила: «Но ведь все великие произведения были созданы мужчинами!»

Все, кроме картин Софонисбы Ангвиссола, стихотворений Сапфо, романа Мурасаки Сикибу и зданий Джулии Морган.

Дама ответила, что она про таких не слышала и, следовательно, они не считаются. «Ну вы же не будете спорить, что в целом мужчины добились в науке и искусстве большего, чем женщины? Спрашивается, почему?»

Да потому, что до изобретения нормальной контрацепции женщинам некогда было творить. Они были вечно беременными или кормящими. Рожали по 8–10 детей; выживала, дай бог, половина. Если кто-то не считает это препятствием к творчеству, пусть попробует забеременеть.

Сейчас ситуация изменилась. Это при феодализме женщины были не способны прокормить семью – у них физических сил не хватало. А вот когда им дали возможность думать головой, женщины стали получать Нобелевские премии, летать в космос и возглавлять правительства.

– А водить машину так и не научились, – ворчит Пол.

Он, сексист чёртов, иногда до бешенства меня доводит.

Стоит мне сесть за руль, как он тут же начинает «помогать»:
– Держи дистанцию... Осторожней! Там пешеход! Ой, нет, это дерево. Ты что, совсем по-нормальному водить не можешь?

Я огрызаюсь:

– Если бы я водила «по-нормальному», я была бы мужиком. И тебе бы пришлось стать геем.

– Тебе тоже, – вздыхает Пол.

Он вежлив и почтителен с дамами, его манеры безупречны: подаст пальто, отодвинет стул, откроет дверь... При этом Пол рассказывает анекдоты про тупых блондинок и считает, что женщина-начальник – это неприятно.

Что с этим делать – понятия не имею. Агнесса бы на моём месте подала в суд. А я закрываю глаза: от добра добра не ищут. Но так снисходительна я только к своим. Когда кто-то чужой высказывается в духе «Женщины не способны ни на что толковое», я добавляю: «И вы тому – лучшее доказательство».

17. Моя бывшая любовь

Я решила выпросить у Агнессы про личную жизнь Зэка. Наш разрыв был непростым: Зэк то уходил, то возвращался, и это то оскорбляло, то приятно щекотало самолюбие. На словах я искренне желала ему счастья, а на деле – не менее искренне – страданий по мне, красавице. Зэк однажды сказал: «Ты, Мардж, любишь только себя. И это единственная причина для моей ревности».

У нас не было шансов. Ему нравились ночные клубы, а мне – ночные разговоры. В его возрасте хочется удивлять окружающих, а в моём – саму себя. И тем не менее мне жаль терять эти воспоминания. Чем мы занимались во время брака? Смеялись и болтали: в машине, в постели, через дверь туалета... Если я буду считать Зэка предателем, то забуду про наши весёлые глупости, и в памяти останется только каша из полупереваренных обид.

Мне хотелось знать, почему он решился на шантаж. Другая женщина могла быть единственным объяснением.

– Ну да, Зэк встречался с нашей соседкой по этажу, – сказала Агнесса, когда я ей позвонила. – Но они поссорились, и она переехала на другую квартиру.

Я не знала, то ли мне радоваться, то ли огорчаться.

– А что случилось?

– Она на него обиделась. У нас была вечеринка, они танцевали рок-н-ролл, и Зэк её подкинул и не поймал.

– То есть?

– Ну, он поддавый был! Ему показалось, что он увидел тебя, разжал руки, а она – головой об пол. Сотрясение мозга, между прочим, получила. А Зэк через неё перешагнул и побежал тебя искать. Мне кажется, он до сих пор ничего не забыл.

Как это понимать – не знаю. Зэк стеснялся показывать меня своим друзьям, чтобы они не подумали, что он женился на «старой». Пропадал на съёмках, не приходил ночевать... А теперь я ему вдруг понадобилась. Чего он хочет-то? Только грин-карту или большой и светлой любви?

Лучше бы я не звонила Агнессе.

18. Мои будущие достижения

Пол выдумал нам новое развлечение: записывать мечты.

– Наш мозг работает по принципу радио: на какую частоту настроишься – ту музыку и будешь играть.

Шансы даются всем и всегда, главное – заметить их. Если наше подсознание в курсе, чего мы хотим, оно будет отфильтровывать требуемые возможности. Это как с грибами: кто ищет – тот находит. Но надо помнить, что подсознание не видит разницы между мечтой и страхом и реализует то, о чём мы больше всего думаем.

Забавно, что многие культуры подавляют желания. Моя сестра Лёля до сих пор никому не рассказывает о своих планах: «А то не сбудется». Чушь собачья! А как люди узнают, чего ей хочется? Ведь они могут и контакт нужный дать, и посоветовать что-нибудь дельное...

Лёля не верит:

– Помнишь, как у Булгакова? «Никогда и ничего не просите!.. В особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, и сами всё дадут!»

– А помнишь, *кто* это сказал? – намекаю я. – Кажется, «лжец и отец лжи»².

А буддизм? Смысл целой религии заключается в том, что-

² Евангелие от Иоанна, 8:44.

бы ничего не желать. Не в этом ли причина хронической нищеты многих стран Юго-Восточной Азии? Ведь если ничего не желать, так не нужно ни думать, ни работать.

Мои будущие достижения

Работа

Я пишу книги уровня мировой классики, их перевели на 40 языков, по ним сняли пять фильмов.

Фильму, снятому по моей книге, дали «Оскар» за лучший сценарий (напишу сама, выйду к микрофону и, поплавав, передам привет бабушке).

Я получила Пулитцеровскую премию.

Моё литературное агентство процветает: мои клиенты пишут замечательные книги, которые тут же становятся бестселлерами.

Мой средний годовой доход – 2 миллиона долларов.

Семья, друзья, здоровье, саморазвитие

Мы с Полом живём душа в душу. У нас есть малыш – умный, здоровый и добрый.

У меня отличные отношения с родственниками.

У меня есть друзья – люди, которых я глубоко уважаю и у которых есть чему поучиться.

У меня великолепное здоровье.

Пять раз в неделю я хожу в спортзал.

Четыре раза в год я путешествую.

Я всё время учусь чему-то новому и расту над собой.

Каждая моя книга лучше предыдущей.

Я бросила курить.

Душеспасительное

Я открыла и соержу на свои деньги японский сад камней и суперсовременный роддом в Нижнем Новгороде.

Я создала читательский клуб, который рекомендует лучшие произведения мировой литературы.

У Пола почти то же самое с поправкой на адвокатскую работу; правда, денег ему хочется в четыре раза больше. И в качестве душеспасительной цели он ставит себе не роддом, а стипендию для одарённых студентов имени себя, любимого.

19. Я отдам тебе свою почку

Моя подруга Мелисса – такая умница, что сделала из себя красавицу. Хотя иногда бывает пьяницей и задницей.

Когда у нас кризис – мы встречаемся каждый вечер; в дни мира и покоя надолго забываем друг о друге. Но такое случается нечасто.

Мелисса – профессиональная гадалка. Сегодня она позволила мне:

– Угадай, кто заходил в мою контору.

– Санинспектор?

– Один-ноль в мою пользу. Это была Лёля, твоя сестра!

Я удивилась. Вообще-то они друг друга не жалуют. Лёля считает Мелиссу язычницей, а Мелисса Лёлю – членом Республиканской партии. В обоих случаях это смертные грехи.

– Что она хотела от тебя? Чтобы ты ей погадала?

– Ну да. Я тебе скажу по секрету (только ты никому не говори): у неё плохие анализы! Не только медицинские, но и астральные! А это означает ужас что!

– А поконкретнее? – забеспокоилась я.

Но рассказывать подробности Мелисса отказалась.

– Это врачебно-сакральная тайна.

У нее так всегда: разболтала половину секрета – на душе стало легче; умолчала о второй половине – легче на совести.

Я набрала Лёлин телефон.

– Ты как себя чувствуешь?

– Как фабрика стройматериалов, – пробурчала она, – из меня то камни выходят, то песок. Ладно хоть ацетон не выпускаю.

– У тебя что, опять проблемы с почками? Ты была у доктора?

Когда Лёле было десять лет, мы поехали в поход. Ночи стояли холодные, и ей досталось лежать у стенки палатки. Застудилась, с тех пор так и пошло: нефриты, нефролитиазы и тому подобные страсти.

– Слушай... Я тебя хотела спросить... – Голос у Лёли был серьёзен. – Может случиться такое, что мои почки откажут и я умру. Врач сказал, что альтернатива только одна – пересадка... И нужен донор, близкий родственник... Ты, пожалуйста, не пугайся, ещё ничего такого нет. Мне просто нужно было тебе сказать...

У меня до сих пор трясутся руки. Я смотрю на себя в зеркало: невозможно, невысказанно разбирать себя на части! Добровольно отрезать кусок... Конечно же, я наговорила Лёле правильных слов: что всё будет хорошо, что она выздоровеет и что, если потребуется, я отдам ей свою почку.

Она сразу повеселела.

– Люблю тебя. Ты настоящая.

А я не настоящая. Я в ужасе и тоске. Я лепила первое,

что подворачивалось на язык, только чтоб прекратить этот разговор. Боже, боже... Пусть у Лёльки всё будет хорошо!

С горя ещё стишок сочинился:

Не уходи, побудь со мною!
С моим пупком и головою,
С желудком, печенью, костями
И всеми прочими частями.

Ведь есть же способ откосить:
Хирургам справку предъявить,
Дать взятку, в морду... Заразиться...
Или заранее утопиться.

20. Прислуга знаменитостей

Джош до смерти напугался за мать. Не знаю, правда, что его больше шокировало: сам факт её болезни или то, что Лёля больше не сможет дуть ему в попу.

Впрочем, нужно отдать ему должное: он начал ездить за продуктами, заправлять постель и просматривать объявления, чтобы найти ещё одну работу. Лёля приносит в семью львиную часть дохода – шьёт поповские облачения, – и если она сляжет, то всем придётся туго.

Джош появился у меня под вечер.

– Ну что, нашёл себе приработок? – спросила я.

Он отодвинул меня в сторону и направился в кухню, где Люси перетирала чистую посуду.

– А ты знаешь, что количество буржуев в Лос-Анджелесе постоянно растёт, а качественной услуги на всех не хватает?

Люси посмотрела на него в недоумении.

– Чего?

– Вот, изучай! – Джош вытащил из кармана вырезку из The Los Angeles Times. – Если у тебя есть кулинарное образование, знание этикета и умение отчищать всё от всего, то можно запросто устроиться домработницей в миллионерский дом.

– Я вообще инженером хочу стать, – напомнила Люси.

– Сколько тебе будут платить, когда ты окончишь колледж? Тысяч сорок в год, самое большое. А если ты работаешь прислугой где-нибудь в Беверли-Хиллз, то у тебя в год будет выходить 80 тысяч плюс медицинская страховка и оплачиваемый отпуск. И это не считая проживания в шикарном доме с бассейном и винным погребом.

Мы с Люси прыснули.

– Чего вы ржёте? – возмутился Джош. – Это очень почётная профессия! Для крутых домработниц даже глянцевый журнал издаётся – «Прислуга знаменитостей: управление особняками и именьями». Вот ты, Люси, хоть знаешь, что газету перед подачей хозяйке нужно прогладить утюгом?

– Зачем?

– Чтоб руки о типографскую краску не пачкать! Тебе надо не в колледже горбатиться, а пойти в Международный институт домоуправления в Денвере. За два месяца тебя всему научат. Только постарайся есть побольше: домработница должна быть толстой и принципиально несексуальной.

– Чего ты к ней пристал? – не выдержала я. – Иди сам в домработники, если тебе так нравится.

Джош скромно потупил глазки.

– Нет, я не могу. Мне надо, чтобы кто-то устроился и познакомил меня с хозяйкой.

21. Я стала замечать знаки

На меня как проклятье наложили: я стала примечать *знаки*. Зашла в корейский продуктовый, а там на полках – почки консервированные в уксусе; в новостях – «Искусственная почка не заменяет настоящую»; открываю спам – «Ремонт выводных систем любой сложности».

Когда мне начинает казаться, что «за мной следят», я еду к Мелиссе.

– Что ты нагадала моей сестре? – спросила я. – Она поправится?

Мелисса опустила ресницы.

– Я не говорю людям, что их ждёт. Они сами выбирают дорогу, а я просто растолковываю им указатели.

– А поточнее?

– Нужно верить. Точнее, *знать*, что вылечишься. Если человек допускает, что может умереть, – он умрёт. Если нет – выздоровеет.

Мелисса хотела есть, и мы отправились в русский ресторанчик.

– Выпить не желаете? – подмигнул мне официант Боря. – Водка «Славянская» на берёзовых почках. Лично рекомендую.

У меня опять ёкнуло в груди.

– А ты сама во что веришь? – спросила я Мелиссу.

Она выпила водки и утёрлась кружевным надушенным платочком.

– Мы не одни во Вселенной. Есть ещё мир духовный. В нём сосредоточены все знания, а здесь, в физическом мире, – весь опыт.

Мелисса говорила долго. Люди – это духи; они всегда были, есть и будут. А человеческая жизнь – это виртуальная игра, с помощью которой они развлекаются. Им хочется того, что недоступно в их духовном мире, – любви, войны, радости, ненависти.

– Ты видела, как мои сыновья играют в компьютер? В реальности им никто не даст автомат, а там они могут стрелять сколько душе угодно. Они выбирают себе внешность и «легенду», страну и миссию. Часами не вылезают из-за стола! Спрашивается: зачем? Чтобы испытать новые эмоции. Для них это – самый крутой кайф.

Глаза Мелиссы блестели.

– Когда мы попадаем в духовный мир, мы расслабляемся. Там – вечное спокойствие. Но потом нам становится скучно. Мы пристально следим за этим миром, выбираем, кем мы хотим стать, стираем себе память – и понеслось! Новый младенец родился!

– Значит, Лёля сама захотела, чтобы у неё болели почки? – хмыкаю я.

– О, да. Её духу интересно: каково это? Возможно, он желал умереть, возможно, наоборот, – вылечиться. Лёля долж-

на вспомнить, чего она хотела в «той жизни».

– Значит, кто-то выбирает судьбу сироты? Судьбу шизофреника? Судьбу заключённого?

– А почему ты считаешь, что это неинтересный жизненный опыт? Наши страдания всё равно понарошку: мы же в компьютерной игре!

Система у Мелиссы стройная, но в ней всё равно что-то не так.

– Так мы ни на что не влияем? Всё заранее предначертано?

– Да я ж тебе говорю: мы в игре! Мы выбираем облик, оружие и уровень. А дальше действуем от балды – но в рамках заданной программы.

Мелисса считает, что она «чувствует» эту программу и потому может предсказать, что там, за поворотом. Хотя человек волен и не ходить за поворот.

– Добра и зла не существует?

– Не-а.

– Значит, 11 сентября – это тоже понарошку?

– Выходит, так.

– И лечить Лёлю не надо: она сама захотела поболеть. Если кто тонет, то его не нужно вытаскивать. И если я тебе сейчас голову проломлю, то я не виновата – ты сама выбрала эту судьбу?

– Ну что ты ко мне пристала? Не хочешь – иди в Иисуса верь.

Я ехала домой...

Чушь какая! Значит, кто-то выбирает себе роль педофила. «Дай, – думает, – поистязую детишек. Это ж всё равно понарошку. Да и им в кайф – они же сами себе это выбрали». Ни больниц, ни судов не нужно. Плывём по течению – к светлому будущему в конце тоннеля.

Я лучше в НЛЮ буду верить, чем в такую фигню. Старые религии хоть и поистаскались, но в них есть большой плюс: понятие греха. Страх быть неугодным Богу многих человек превращает в людей.

Мелисса только что позвонила.

– Ты не думай, я не оправдываю Гитлера! Я просто сама ещё не до конца разобралась... А Лёле скажи вот что: нужно освободить место для чуда. Оно придёт, когда ему будет куда прийти.

И положила трубку, коза.

22. Портрет моего мужчины

У него необычное лицо. Высокий лоб, глаза цвета жёлудя и светлая славянская кожа. Бойцовский подбородок, доставшийся в наследство от предков-англичан... Люблю его разглядывать, когда он спит или читает, – необычный!

Сидя за компьютером, он мурлычет под нос песенки. Болея «за футбол», скачет коленками по дивану.

Любит красивые и дорогие машины. Мне без разницы – лишь бы не ободранная и не ломалась. А ему нужна «О-о-о!».

Кухня для него – terra incognita. Все предметы загадочны, как оборудование секретной лаборатории.

Зато он умеет чинить пластмассовую коробку, от которой работает спутниковое телевидение. А ещё – решать проблемы. Почти любые.

Спорит – громко, задавливая интеллектom и изобретёнными по ходу аргументами. Придумывает мне прозвища по типу еврейских фамилий. Берёт на себя ответственность за всех и вся и страдальчески морщится, когда люди бывают дураками.

Любит меня, работу и победы. Ещё – крутить себе волосы на макушке: это помогает ему думать.

Не любит жить медленно. Аэропорты и магазины нагоняют на него тоску.

Когда его нет – скучаю. Пусть будет рядом, за стенкой, пусть смотрит свой телевизор или режется в покер с приятелями. Но чтоб под боком.

Мальчишка – поэтому с ним весело и свободно. Мужчина – и поэтому с ним чувствуешь себя в безопасности.

23. Дневники светских львиц

Моя новая книга вышла в серии «Дневники светских львиц». Не удержалась, кинулась читать предшественниц – надо ж знать, куда занесла меня судьба.

Светские львицы рассказывают о своей любви к президенту, сексу и Куршевелю. На заднем фоне маячит принц с сослуживцами. Главными героями являются Версаче, Шанель и Дольче с Габбаной.

Не верю ни одному слову. Человек, у которого есть деньги, не станет акцентировать внимание на марке барахла. Для богатых это естественная среда, и богатая дама никогда не будет писать, в какие лейблы она оделась. Это всё равно что перечислять: «Сегодня, встав с утра, я вдохнула азот, кислород, углекислый газ и ещё много других примесей».

Хотя, возможно, я ничего не понимаю в состоятельных дамах Москвы. Мне кто-то говорил, что они похваляются марками сотовых телефонов – мол, это признак крутизны. Или это просто не потомственная аристократия? Добрались до денег и никак не могут привыкнуть к ним?

Жена Кевина – тоже не бог вещь какая баронесса, но ей в голову не придёт хвастаться, что и в каких магазинах она покупает. Она уже двадцать лет там отоваривается, и все подружки её там же пасутся. Чем она их удивит?

Про работающих дам и говорить нечего: они хвастаются

интересными идеями и удачными проектами.

Невозможно целый год ездить на BMW и каждый день восхищаться: «Офигеть!» Ну месяц, ну два... Потом игрушка приедается. Большие деньги тратятся на бизнес, на благотворительность, на образование, на дорогие хобби. А уж бахла – это такая малая часть расходов и такая незначительная часть жизни...

Особенно порадовала какая-то телеведущая, которая утверждает, что по марке джинсов сразу можно определить, «в теме девушка или не в теме». Я посмотрела на свои штаны: боюсь, мамзель такой темы даже не проходила.

А вообще светские львицы – интересные звери. Тратят жизнь на доказывание, что они не крокодилы – с помощью перемены табличек на клетках. Но тиражи у львиц весьма неплохие, так что я попала в струю.

24. Куда рыбы попадают после смерти?

Лёля ходит по врачам, как по кругам ада. Они предупреждают её о возможных осложнениях: чтобы пациент напугался соответственно болезни. Знание у них – сила, а сила есть – ума не надо.

Впрочем, Лёля держится молодцом. Говорит, что подарит мне свои камни для японского садика в Нижнем Новгороде.

И всё равно видно, насколько она боится – боли, небытия, невозможности помочь сыну и мужу. И ещё беспомощности. Лёля привыкла думать о себе, что она горы может свернуть – стоит покрепче ухватиться. А болезнь ставит её на место: крошечный камешек, засевший где-то внутри, может превратить её в инвалида.

Я регулярно хожу к Зэку, и мои результаты тоже неутешительны. Стоит мне набрать его номер, как он бросает трубку. На имейлы не отвечает. Заслышав мой голос в домофоне, прячется, как призывник от милиции.

Агнесса посоветовала мне устроить засаду:

– Ты приходи к нам часиков в шесть и сиди, пока он домой не явится. Только машину оставь на соседней улице, чтобы его не спугнуть.

Заодно она попросила меня побыть с Пи-Пи. Ну что ж, у каждого свой интерес.

Пи-Пи встретила меня вся в чёрном: у неё сдохла золотая рыбка.

– Мардж, а куда попадают рыбы после смерти?

Я пожала плечами.

– В специальный рыбий рай.

Мы выловили страдалицу из аквариума и смыли в унитаз.

Пи-Пи с грустью проводила её взглядом.

– Теперь я знаю, почему рыбки боятся людей. Мы какаем в их рай...

Пока ребёнок смотрел телевизор, я тайком проскользнула в комнату Зэка. Когда-то это была детская, но Пи-Пи отказалась в ней спать – она до сих пор засыпает в маминой постели.

Обои с клоунами, в углу – гантели, на столе – фашистская каска. Агнесса сказала, что сейчас Зэк снимается в историческом боевике.

После того как Агнесса растрепала про Зэковы чувства, я поняла, что мне жалко «терять» его. В глубине души я всё равно считаю его своим.

Официальный развод – это официальное разрешение Зэку быть счастливым с другой женщиной. Это всё равно что снять с пальца бриллиант и кинуть его в пыль. Рука не под-

нимается! Может, Зэк – мой последний тайный обожатель, и других уже не будет?

Напялила его каску. Я – как фриц под Москвой: видит око, да зуб неймёт. Надо отступать, пока задницу не надрали.

Зэк явился, когда мы с Пи-Пи играли в войнушку. Зашёл в квартиру и тут же вылетел обратно. Догнать его не удалось.

Соседи потом долго расспрашивали Агнессу, почему за её кузеном гонялась босая тётка в длинной юбке и с фашистской каской на голове. Что она им отвечала – понятия не имею.

25. Зуб с бриллиантом

На этой неделе выигрыш в лотерею составлял 370 миллионов долларов. Все как с ума посходили – билеты закупаются пачками. Я тоже грешным делом ввязалась. Потом спрашивала знакомых: что бы они стали делать с такими деньжищами.

Пол: вложил в акции и заработал ещё столько же.

Мелисса: купила себе остров в Тихом океане, монастырь в Тибете и самолёт – чтобы летать туда-сюда.

Лёля: восстановила Строгановскую церковь, сделала крупный взнос в фонд борьбы с мочекаменной болезнью, купила дом себе, родителям, Джошу и всем двоюродным и четвероюродным сёстрам из России.

Джош: купил наикрутейшую тачку и самый навороченный сотовый телефон. На большее у него фантазии не хватает.

Пять минут назад он позвонил и добавил:

– А ещё вставлю в зуб бриллиант. Хочу быть блестящим молодым человеком.

Опять перезвонил:

– И маму бы вылечил.

Весь день мучилась выбором. Вот проснусь завтра миллионершей, а зачем – непонятно. В акции вкладываться мне лень – для этого ещё одно высшее образование нужно полу-

чать. Монастырь в Тибете я и с доплатой не возьму; зубы с бриллиантами мне не идут...

Наконец составила план.

Во-первых, надо дать денег на фильм по моей книге. Пусть он провалится в прокате, пусть его вообще никто, кроме меня, смотреть не будет...

Кстати, хорошая идея для маркетинга – запустить по всем СМИ новость: Мардж Тенш заплатила 120 миллионов долларов за фильм, который никому не покажет. Дать интервью в Time: «Это моя маленькая причуда. Смонтированным кино не увидит даже Анджелина Джоли, которая играет главную роль». Все будут охать, ахать и строить дикие предположения. А потом через полгода объявить: «Ну ладно, уговорили, покажу. Но только весь сбор пойдёт на разработку автомобиля будущего. Он должен летать и работать на альтернативном топливе. А то меня уже заколебали пробки на дорогах и высокие цены на бензин».

Ещё реализовать планы из раздела «Душеспасительное».

Ещё дать денег Полу на акции, Джошу на зуб и Лёле на фонд, дом и церковь. Мелисске подарю маленький самолёт – пусть летает, куда ей надо.

Если деньги останутся, накуплю золотых монет, сложу их в сундук и зарюю в палисаднике. А карту с сокровищами завещаю правнукам. Пусть развлекаются.

Вечером:

Хрена. Никаких вам садов камней. Мои миллионы достались каким-то чувакам из Нью-Джерси и Джорджии.

26. Как выглядит рай?

С рыбьим раем всё понятно. А как выглядит рай человеческий?

Прошлась по интернету. Выяснила, что люди имеют весьма смутное представление о том, куда им хочется попасть после смерти.

Достоверно известно, что в раю нет болезней, смерти и страданий. О том, что там имеется, сведений мало, да и те противоречат друг другу.

В христианском раю есть возможность лицезреть Господа.

В мусульманском – не только Господа, но и прекрасных гурий.

Праведные иудеи восседают в венцах и изучают Тору.

Праведные буддисты отдыхают после очередной реинкарнации.

Скандинавские язычники охотятся, монгольские – вдоволь кушают. Офисные работники живут без будильников, понедельников и начальников.

И всё-таки пребывание в раю трудно назвать безоблачным. Души умерших наблюдают за нами с небес, а это зрелище не для слабонервных. Наверное, потому все хотят в рай, но мало кто торопится умереть.

Поспрашивала людей в своём блоге: «Что для вас означа-

ет слово „рай“?»

«Попасть туда – это как ребёнку найти папу, подбежать и уткнуться в колени...»

«Люди – это всего лишь биоплесень. Ей не дано понять, что такое рай».

«Рай – это когда ничего не болит».

«Рай не на небесах, а в головах людей».

Последний тезис мне больше всего нравится. Человек не может изменить окружающий мир, но может изменить своё отношение к миру. Как говаривал Козьма Прутков: «Хочешь быть счастливым – будь им».

27. Пусть он сам захочет развестись

Пол рассказывает, как в Корейскую войну коммунисты вербовали американских военнопленных:

– Бойца вызывали на допрос, поили чаем, угощали сигаретами. Потом китайский офицер начинал разговор за жизнь:

– Слушай, а чего американцы нас так ненавидят? Мы что, обидели вас чем-то?

Боец отвечал как положено:

– Мы сражаемся за демократию против кровавого тоталитарного режима!

– Да ладно, какие мы кровавые? Можно подумать, ваша Америка – идеал. У вас тоже, небось, проблемы есть.

– Ну... есть.

Глаза китайца загорались любопытством.

– А какие, например?

– Безработица, медицина дорогая...

– А у нас нет безработицы и медицина бесплатная! Видишь, не такие уж мы и уроды.

– Да я и не говорю, что вы уроды...

– Слушай, а ты можешь статью про это написать? Нам очень важна точка зрения простого американского солдата.

Боец брал ручку и писал: «В США – безработица, а в Ки-

тае – нет. Китайцы – не такие уж плохие ребята, и с ними вполне можно дружить».

А вечером статью бойца зачитывали по лагерному радио.

– Ты совсем рехнулся?! – вопили пленные. – Они тебя что, пытали?

– Да нет...

– Так почему ты...

И боец начинал защищаться:

– Всё, что я сказал, – правда!

– Предатель! Иуда!

Свои отворачивались, били, объявляли бойкот. А китайский офицер по-прежнему был ласков и обходителен.

Во время Корейской войны уровень «измены» был самым высоким за историю США.

– Надо для Зэка изобрести что-нибудь в этом роде, – говорит Пол. – Пусть он сам захочет развестись.

Я загибаю пальцы:

– Просить – бесполезно, угрожать – тоже. Он думает, что мы хотим его смерти, и потому защищается...

Под конец я придумала: надо уговорить Зэка написать книгу «Развод – это прекрасно» и пообещать ему славу и деньги.

28. Хочу ребёнка

Хочу ребёнка. Пытаюсь объяснить себе почему:

1. Так надо. Ибо сказано: «Плодитесь и размножайтесь».
2. Будет кому в старости подать мне стакан воды.
3. Полу будет кого считать ребёнком помимо меня.
4. Наши мамы будут счастливы.
5. Знакомые перестанут спрашивать: «Ты вообще рожать собираешься?»
6. Наконец-то я перестану целые дни проводить за компьютером.
7. Кажется, я люблю детей. Они прикольные.
8. Я существенно расширю свой кругозор на тему материнства и детства. Потом из этого можно будет сделать смешную книжку.
9. Если родится мальчик – у меня будет шанс воспитать Принца на Белом Коне. Если девочка – ей можно будет завызывать банты. Что в равной степени интересно.
10. Я выполню свой долг перед нацией.
11. Первые 15 лет ребёнок будет любить меня за красивые глаза. Это круто!
12. Всё-таки дополнительный родной человек – это хорошо.
13. Вполне вероятно, что моим ребёнком можно будет гордиться. Сначала у него будут успехи в рисовании «космо-

са», потом – по какому-нибудь школьному предмету. А там и до Нобелевской премии недалеко.

14. Родить, чтоб был. Просто ради него самого. Подарить жизнь.

15. Призрачная надежда на бессмертие.

Мне не нравится идея рая. Соединение с Богом льстит моему самолюбию, но я не верю, что Господу понравится вечно соединяться со мной. Рай – это идеал: всё уже понято, извещено и достигнуто. Покой как на кладбище; радость как под кайфом.

Я хочу вечно учиться, ошибаться, подниматься на ноги, говорить ерунду и совершать открытия. Именно поэтому мне нравится думать, что *жить* вечно – интересно. Жизнь – это и есть рай.

Душа, то есть наша личность, бессмертна, но не так, как принято считать в мировых религиях. Как от отца к сыну переходит определённый генотип, так из поколения в поколение передаются наши «Я». Мы ещё не раз вернёмся на эту землю, если наш род не оборвётся.

В детстве я и мой друган Борька Папахин скрепляли клятвы кровью. Вырывали из тетрадки листок и писали: «Никаму неслова что мы потиряли варешки на горке». Расковыривали себе пальцы и ставили на бумаге зловещие кресты.

– Давай лучше расписываться лимонадом! – предлагал Борька. – Он дефицитнее.

Но я говорила, что все важные бумаги надо подписывать именно кровью, и пересказывала легенду о Феофиле Аданском, почерпнутую из журнала «Безбожник у станка».

– Этот Феофил жил в шестом веке. Он хотел стать епископом, но вместо него поставили другого человека. Тогда Феофил написал кровью договор с дьяволом и поклялся, что если Сатана исполнит его желание, то он отдаст ему душу. Такой договор лимонадом не подпишешь.

– А на фига дьяволу душа Феофила? – удивился Папахин.

Тогда я не нашлась, что ответить. А ведь всё просто: продать душу дьяволу – значит уничтожить её. А подписать кровью – оставить свою кровь в залог. Только под ней надо понимать не жидкость, а род, потомство.

Всё закономерно: грешники тратят время на стяжательство, прелюбодеяние и прочие радости. Их дети имеют все шансы заработать тяжёлые неврозы. А там покатится: алкоголизм, болезни, смерть. Дьявол – это не мужик с рогами, это небытие, и если человек делает выбор в пользу греха, то небытие заберёт его детей. Род вымрет, душа сгинет. Вот это и есть ад.

Не всё так плохо, разумеется, и при желании потомки грешника смогут выбраться из порочного круга. Только им будет намного труднее.

Позвонила знакомым генетикам: они сказали, что личность – это не ген, а жизненный опыт, который нельзя передать по наследству. Так что никакой души нет.

Может, у них и нет. А мне на всякий случай надо кого-нибудь родить. В конце концов, это свинство – не дать моему прапрапрадедушке получить Нобелевскую премию.

29. Дочки-матери

Мама очень скучает по нам с Лёлей. Ей хочется принимать участие в нашей жизни, а мы, засранки, целую неделю ей не звонили.

– Я уже без вас телевизор начала воспитывать, – жалуется мама.

Отец подслушивает на параллельном телефоне.

– Ага, вчера захожу в большую комнату, а она на кого-то кричит: «Думать надо было, прежде чем замуж выходить!»

– Положи трубку!

Папа демонически хохочет.

Я почти всем обязана маме. Отцу, конечно, тоже, но он любил живопись чуть больше, чем детские горшки, поэтому при первой возможности сбегал от нас в мастерскую. Там, в зависимости от настроения, он либо пил пиво, либо создавал приличное искусство. Маме доставалась работа попопсе: делать из нас с Лёлей приличных людей.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю её советы:

«Иди в угол и подумай о своём поведении!» – так у меня выработалась привычка размышлять о *важном*.

«Не грызи ногти, а то глист нахватаешься» – так я начала следить за своим питанием.

«Кто обзывается, сам так называется» – я научилась раз-

бираться в людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.